

Нэг Николсон

Сезон изобилия

Нэд Николсон
Сезон изобилия

«Автор»

2026

Николсон Н.

Сезон изобилия / Н. Николсон — «Автор», 2026

Основатель крохотной мастерской сбегает от бытовухи в космические пустоши, чтобы хоть на время разорвать бесконечную череду обязанностей и почувствовать себя живым. Он не знает, зачем делает это. Но знает, что не может без этого жить. Владелец старого видеопроката три года ждет доставки заветного сериала. В момент получения заказа его душа озаряется настоящим восторгом. Но вместе с радостью приходит и страх. А что, если он недостоин быть счастливым? Глава Комиссии Спецтранспорта достиг всего, чего только можно желать. У него есть все, кроме смысла. Он давно перестал чувствовать вкус жизни. Но странная посылка от мастерской «Спасбросок» меняет все. Однажды судьбы этих людей пересекаются на крыше под светом звезд, и в этот миг они понимают, что настоящая роскошь — быть рядом, быть понятым, быть собой. «Сезон изобилия» – притча о душевной изоляции, сокровенных надеждах и драгоценных моментах. Это повесть для тех, кто привык чувствовать себя одиноким в толпе, но не смирился с этим.

© Николсон Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тайные трассы, монетка судьбы и кофейная забота	5
Глава 2. Годы ожиданий, слезы гордости и червоточины сомнений	8
Глава 3. Первый чемоданчик, причины выгорания и внутренние демоны	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сезон изобилия

Глава 1. Тайные трассы, монетка судьбы и кофейная забота

- Скажите, пожалуйста, куда мне идти?

- Зависит от того, куда ты хочешь прийти.

- Да мне все равно.

- Тогда все равно, куда идти.

Льюис Кэрролл

Каждую среду я куда-то лечу. Сажусь за штурвал своего ангравикара и улетаю подальше, чтобы потеряться среди космического вакуума. Я лечу без маршрута и без причины. Если признаться себе честно, то я просто сбегаю. Не от чего-то конкретного, а от жизни в целом. Мне становится невмоготу чистить зубы каждое утро и выгуливать космоса по одному и тому же астероиду, исхоженному вдоль и поперек. Меня воротит от перспективы в очередной раз синтезировать завтрак на домашнем Конструкторе, но живот настойчиво урчит уже через полчаса после пробуждения. Как представляю, что снова придется очищать старый кофе-принтер перед тем, как распечатать чашку кофе, аж выть охота. А потом еще кучу всяких мелочей нужно переделать: где-то поправить, что-то убрать, куда-то сходить, кому-то написать и вот это вот все.

Я ощущаю себя запертым в каком-то алгоритме. Я будто закриптован и трачу время на однообразные и бездумные действия, которые должны казаться важными и ценными. Все чаще я задаю себе вопросом: «Я и правда живой, наделенный свободной волей организм, или всего лишь имитация жизни, конструктор, программа?» Я никогда не понимал, как с бытовухой справляются другие люди. Они, наверное, намного сильнее меня, ведь стойко переносят подобную обыденность. А может, они просто умеют отключаться? Действовать на автомате, как машины или насекомые. Ведь не может быть такого, чтобы бытовуха кому-то нравилась. Каждый раз, представляя колоссальные объемы мелких бессмысленных дел, которые предстоит совершать до конца своих дней, мне хочется плакать. Поэтому каждую среду я запрыгиваю в салон ангравика, включаю зажигание и несусь куда глаза глядят, оставляя ненавистную реальность позади. Одна проблема — я не могу убежать от себя самого.

Лишь когда я вырываюсь из межпланетного трафика инфракрасных магистралей в центре звездной системы и попадаю на очередную тайную трассу, я чувствую, как горькое наваждение начинает потихоньку разжимать свои тугие щупальца. Здесь, вдали от мегаполисных планет и густонаселенных орбитальных станций, я ощущаю, как расслабляется сознание и начинает снова гармонировать с мирозданием. Я сажаю ангравик на парковке заправочной станции, что вращается на орбите отдаленного газового гиганта, и покупаю кофе с сэндвичем на завтрак. Я делаю это не потому, что ленив или богат, но для того, чтобы почувствовать чью-то заботу о себе. Говорят, человек ко всему может привыкнуть и везде адаптироваться, поэтому род людской давно подчинил себе космос. Но я не могу свыкнуться с необходимостью совершать одни и те же рутинные действия каждый гребанный день. Поэтому, когда кто-то другой, даже андроид в кафе при заправке, протягивает мне бумажный стаканчик с кофе, я бесконечно благодарен ему за то, что он принял на себя часть моей ноши. С такого безграничного чувства благодарности и начинается мой ежесредовый полет по тайным трассам Западной Бугровии.

Изрядно заплутав, я снижаю скорость до оптимальной, при которой можно без аварийных ситуаций вращать головой по сторонам, лениво разглядывая местные достопримечательности. Вдалеке грозно чернеют силуэты колоссальных станций по переработке полезных ископаемых, а чуть ближе — редкие астероиды с билбордами старинной рекламы, давно уже не актуальной, но все еще висящей тут, в космической пустоте, ведь никому неохота демонтировать ее или менять на новую. От этих билбордов даже не приходят сигналы в спам-фильтр моего ангравика, как это делают современные рекламы в центре звездной системы. Возможно, пираты давным-давно стащили блоки питания. Я вспоминаю карту этого сектора и закладываю широкую дугу вокруг местной свалки, чтобы ненароком не угодить в круговерть опасного хлама. Сигнал интерсистемной сети тускнеет, и любимая радиостанция захлебывается в монотоне статических помех. Я открываю бардачок, не глядя роюсь там, нащупываю флешку с записями любимых треков, сую в слот на приборной панели и принимаюсь топтать в такт музыке.

В такие моменты расход моей моральной энергии прекращается, и она начинает потихоньку восполняться. Я отчетливо чувствую это и снова тревожусь, глядя на себя в зеркало заднего вида: а вдруг я и правда синтетик? Чтобы зарядиться побыстрее, я достаю из футляра между сидениями специальную монетку. Это один из моих ритуалов. Один из множества, которыми я окружил себя. Один из таких ритуалов — ежесредный полет на ангравике куда глаза глядят. Второй — путеводная монетка, которая всегда лежит в салоне. На ее аверсе написано «Да», а на реверсе — «Нет». Приближаясь к очередной развилке, я подбрасываю монетку и мысленно спрашиваю у нее, стоит ли свернуть. Если я хочу свернуть и монетка отвечает «да», то я совершаю маневр. А если я вижу захлавленную линию со сломанными сборщиками космического мусора на обочинах и не желаю истязать корпус ангравика метеороидами, но монетка убеждает меня сделать это, я ей отказываю. Ведь здесь решения принимаю лишь я. В этом и заключается прелесть таких путешествий.

Спустя некоторое время я обретаю покой, и перед моим взором рассеивается крошечная пелена отчаяния. Я начинаю четко видеть мир вокруг, а главное — мир внутри себя. Я вновь начинаю думать, соображать и мечтать. В эти замечательные моменты просветления ко мне приходят самые лучшие сюжеты. Я записываю их в телефонные заметки прямо на ходу, то и дело бросая взгляд на линию инфракрасной разметки, чтобы не вильнуть на встречу. Но чаще я торможу на обочине и включаю аварийный маячок, чтобы космический грузовик засек меня заранее и не расщепил в пыль, врезавшись на полной скорости. Я делаю несколько глотков кофе из стаканчика, устраиваюсь поудобнее в пилотском кресле и начинаю творить свою магию. В бескрайней пустоте космического вакуума я запойно пишу, стуча большими пальцами по экрану смартфона. Тексты льются из платоновского мира эйдосов прямо в мозг, замешиваются там с моей личностью забористым коктейлем, а затем струятся по венам, через сердце и дальше, вдоль рук, сквозь ногти, оседая в бесчисленных черновиках. Этот процесс завораживает меня, укрепляет и оберегает. Ради него я живу. Это единственное, что нравится мне в этом мире, и то небольшое, ради чего я живу.

Как только первые идеи истощаются, давление в голове ослабевает, и я перестаю заикливаться на своих идеях, боясь что-то упустить или забыть. Я снова берусь за штурвал и правлю ангравик дальше, в глубины неизвестных маршрутов. Преодолевая задворки звездной системы, я оказываюсь в по-настоящему забытых местах. Совсем недалеко граница сферы Хилла, а за ней — мертвый космос. Здешние тайные трассы дики и необузданны. Вдоль них гуляют дыхания иных вселенных. На таких трассах всегда пусто, но именно на них я восполняю свой душевный заряд. Это мои «карманные войды». Если честно, я бы хотел жить в настоящем войде, в самом его сердце, где нет ни звезд, ни материи вовсе. Вдали от галактических нитей и света. В крошечной пустоте и тьме. Но мой транспорт не рассчитан на преодоление таких чудовищных расстояний, а значит, не получится выбираться из войда за кофе. Это основная причина, по которой я все еще придерживаюсь населенных миров.

Я поднимаю предохранительную крышку сбоку от штурвала, нажимаю кнопку с крохотным значком «молния», и ангравик развивает максимально допустимую субсветовую. Я считаю до шестидесяти. После минуты отсчета начинается абсолютное одиночество. Каждая секунда, на протяжении которой я не засекаю радаром движущихся в моем или встречном направлении судов и не вижу огней передвижных горнодобывающих станций на космическом горизонте, заряжает меня. Иной раз мне удается обнаружить такие тайные трассы, где я остаюсь в одиночестве на протяжении получаса. Это опасное занятие, ведь в случае чего помощи ждать не придется. Но я готов рисковать своим телом ради души. Время и частота таких уединенностей зависят от сезона. Ранней системной весной и поздней системной осенью обрести абсолютное одиночество намного проще, но я умудряюсь делать это и в сезон изобилия. Нужно лишь довериться случаю и выбрать правильный маршрут.

Наконец, меня наполняет приятное чувство. Это не радость и тем более не восторг, но нечто очень близкое к этому — некое всепоглощающее удовлетворение. Я плавно тяну на себя штурвал, беру пологий тангаж и на околосветовой скорости закладываю вираж по вертикальной дуге. В полной безмятежности люблюсь светом далекой звезды в центре системы и даю крен на сто восемьдесят градусов относительно плоскости эклиптики. Я возвращаюсь в цивилизованную область Западной Бугровии, полную спешки, обязательств и тревог. Нужно как-то жить, что-то есть, куда-то ходить, где-то отмечаться. Но мне гораздо легче преодолевать все невзгоды, ведь я эмоционально заряжен и закован в комфортную ментальную броню. По крайней мере, на ближайшую неделю. Показатели жизнеобеспечения в норме, огни приборной панели мерцают умиротворяющим зеленым, доньшко кофейного стакана промокло насквозь, а вдалеке снова виднеется тусклая искорка домашнего мира. Вновь знакомые маршруты, залет в орбитальный универмаг для покупки баллончика «Убика» со вкусом жареного сыра и плавная посадка во дворе жилища, которое больше не кажется тюрьмой, но тихой гаванью для утомленного странника.

Глава 2. Годы ожиданий, слезы гордости и червотчины сомнений

Мунч стремительно шагал по улице, то и дело покашливая в кулак. Он не болел. И не страдал от аллергии. Ее сезон еще даже не настал. Ростки плющей-звездохватов только недавно высунулись из гигантских зевов ливневых коллекторов на нижних ярусах Города. Им еще предстоит долгий и упорный рост по пологим биобетонным откосам промышленных террас и выше, по отвесным стенам мегапилонов. Каждый сезон изобилия эти колоссальные здания в форме монолитных обелисков зарастают плющами-звездохватами, растущими из недр планеты, из немыслимой глубины естественных пещер под циклопическими противоподавковыми коллекторами.

Лишь под конец сезона изобилия плющи-звездохваты вскарабкаются на полуторакилометровую высоту мегапилонов, возвысятся над их плоскими крышами, протянут свои истончившиеся и изнуренные верхушки к самым облакам и распустят невероятные бутоны, тонкие лепестки которых, словно пальцы, попытаются поймать звезды. Сами же толстенные стебли плющей покроются различной растительностью, которая успешно симбиотирует с этими представителями гигафлоры. Вот тогда, в зенит сезона изобилия, аллергикам приходится тяжело. Медицина до сих пор не может унять эту причуду иммунной системы некоторых людей.

Последний обязательный осмотр в местном филиале Комиссии Здравия не выявил у Мунча никаких отклонений, а расширенная страховка даже покрыла половину суммы за осмотр. Это был щедрейший подарок Корпорации, который Мунч получил на свой день рождения. Мунч то и дело прятал под видом кашля смешок, рвущийся из груди. Это было сложное, едва контролируемое проявление восторга, который рвался наружу, чтобы о нем услышал весь мир. Мистера Мунча, владельца крупного видеопроката, знаменитого на целых два яруса родного мегапилона, пригласили в таможенный филиал Комиссии Редкостей.

В каждом секторе планеты располагалось четыре мегапилона, а вся необходимая инфраструктура таилась под поверхностью, где гигантские древние механизмы никогда не останавливались, чтобы поддерживать потребности в энергии сектора. Мунч некоторое время глядел вниз на хитросплетения аварийных огней, растянувшихся угловатой паутиной по поверхности планеты, через прозрачный пол воздушного такси. Он почти не расстроился, что пришлось выложить крупную сумму за межсекторный перелет до таможни. Он мог прожить и без нормальной еды ближайшие пару дней, обойдясь запасом сублимированной лапши. А кипятком он без проблем раздобудет у Квори, местного торговца пельменями, который провинился, вернув нейрофильм с битым кодеком.

Мунч неоднократно требовал, затем просил, а в конце концов умолял не использовать картриджи с нейрофильмами на неавторизированных устройствах с устаревшим софтом. Через них фильмы постоянно портились всякими вирусами, которые просачивались на картриджи. Порой такие нейрофильмы невозможно было восстановить, отчего приходилось урезать и без того скудный ассортимент проката. Но теперь Квори оказался у него в должниках, и Мунч в любой момент мог взыскать со старика термос с кипятком для лапши. Все эти житейские трудности сейчас отскакивали от мистера Мунча, как космический мусор от корпоративного дредноута. Мунч даже затопал ногой в такт еле слышной мелодии из динамиков салона такси.

Прибыв на место назначения, Мунч рассчитался с терминалом оплаты за межсекторный перелет, невольно поморщился, когда с личного счета утекли драгоценные кредиты, и покинул транспорт. Робот-водитель что-то пробормотал на прощание, но Мунч, у которого от азартного предвкушения начала кружиться голова, его не услышал. Он оказался на широкой керамической платформе перед строгим зданием таможни. Точнее, как указывал информационный

голографический столб, перед Комиссией Одобрений — подразделением Комиссии Редкостей, занимающимся подтверждениями и разрешениями межкорпоративных сделок.

Мунч поправил ворот своей лучшей рубашки, проверил, чтобы верхняя пуговица была небрежно расстегнута на манер высококлассных граждан, и направился к входу, глухо стуча начищенными ботинками по зеркальному настилу площади. Вокруг почти не было других людей, лишь двое граждан при пиджаках прошли ему навстречу, сдержанно кивнув. Сначала Мунч хотел почтительно отвести взгляд, издали разглядев на незнакомцах корпоративные нашивки в пурпурной окантовке, но, заметив кивок, попытался повторить такой же в ответ. Получилось не очень естественно, но Мунч посчитал, что для первого раза справился неплохо, и даже припомнил, как его назвали во входящем письме с приглашением в Комиссию Одобрений — мистер Мунч. Ему понравилось это обращение, но он только сейчас посмел мысленно примерить его к своему имени. Звучало это замечательно. Так же замечательно, как и все вокруг.

Голова продолжала кружиться, а руки принялись подрагивать. Возможно, от голода, а может, потому что он не спал всю ночь, то и дело включая личный коммуникатор и перечитывая письмо с приглашением. Мистер Мунч получил одобрение своего запроса трехлетней давности и наконец мог забрать долгожданный заказ. Это было самым значимым и счастливейшим событием в его жизни. Наконец он раздобыл эксклюзив, настоящее сокровище, которое поможет ему и видеопрокату обрести истинное величие. Может быть, после этого к нему станут заглядывать корпораты верхней трети мегапилона. Не лично, конечно, а через посредников, но это тоже казалось очень статусным. Тогда мистер Мунч сможет обзавестись средствами и обновить ассортимент видеопроката, привести в порядок помещение, заказать новую вывеску, где перед его именем добавится «мистер», и стать по-настоящему полезным ресурсом своей Корпорации.

От заключительной мысли глаза Мунча увлажнились. Он хотел было утереть слезы рукавом, но не стал, ведь слез гордости нельзя стыдиться. Корпорация будет гордиться им. Когда Мунч получал лицензию на открытие видеопроката в Комиссии Развлечений, он поклялся себе, терминалу выдачи и пластиковой карточке удостоверения, что не подведет. Он стал владельцем лучшего досугового учреждения на ярусе. Даже получил грамоту от Комиссии Поощрений за повышение общего уровня счастья в секторе. Уровень счастья повысился на тысячную долю, да и грамота была электронной, но Мунч тогда чуть не потерял сознание от счастья и расплакался прямо в пельменной Квори.

Сначала на него смотрели косо, но когда посетители узнали причину, две женщины за соседним столиком тоже растрогались до слез. Старик Квори даже угостил его ужином в тот день. Но на следующий же попросил нейрофильм из каталога повышенной ценности. Тогда Мунч не смог отказать соседу и коллеге по удовлетворению потребностей населения. В итоге этот жест доброты закончился испорченным картриджем. Квори решил поглядеть фильм на общественном телевизоре, установленном в одной из кабинок пельменной после закрытия.

Мунч неоднократно рассказывал посетителям, как опасно подключать к таким телевизорам личные коммуникаторы и совать в них ценные картриджи. Но никто его не слушал, и вот чем это закончилось — потерей ценнейшего нейрофильма. Лучшей, по мнению Мунча, частью саги про космического ковбоя Гидеона. Но все эти беды, недавно казавшиеся такими страшными, перестали его волновать. Сейчас Мунч стремился в Комиссию Одобрений будто обутый в турбированную обувь. Ноги казались неестественно легкими, как и голова. Главное — не расплакаться там, внутри. Мунч нацепил на лицо самое безмятежное выражение, на которое был способен, и прошел сквозь распахнувшиеся створки чересчур больших дверей.

Спустя бесконечно долгие часы ожидания, подписи бесчисленных документов и всяческих проверок, мистер Мунч, теперь уже точно мистер, ведь в Комиссии так его называли более сотни раз, вышел на улицу с заветным грузом. Он сжимал во влажных от пота ладонях крохот-

ную коробочку с набором картриджей оригинального нейросериала про приключения удалого ксеноархеолога и не мог поверить в собственное счастье. Всего три года ожиданий — сущий пустяк для такого важного и сложного запроса. Ведь нейросериал прибыл с территории чужой Корпорации.

Оригиналы импортных нейрофильмов было почти невозможно достать, ведь обычно они расходились небольшими тиражами по родной планете местного нейрорежиссера. Затем некоторые из одаренных киноманов записывали копии этих нейрофильмов на основе своих воспоминаний после просмотра. Но эти записи несли в себе иную эмоциональную окраску, и даже некоторые сцены в них оказывались изменены, ведь память человека непостоянна и порой подменяет даже самые яркие и важные события. Записанные таким образом копии назывались симулякрами, и почти весь ассортимент видеопроката Мунча состоял из симулякров. Это жалкие копии с копий нейрофильмов, от которых почти не осталось изначальной идеи и видения нейрорежиссера.

Сейчас же Мунч держал в руках настоящее сокровище и страшился даже убрать драгоценную коробку в наплечный мешок, который предусмотрительно взял с собой. Пустынный пейзаж вокруг казался неестественно четким и ярким. Мистер Мунч проморгался, прищурился, разглядывая колонны мегапилонов вдаль, и улыбнулся во весь рот. Добравшись до края платформы, мистер Мунч вызвал такси и даже не ощутил укола досады от того, что придется оплатить обратный межсекторный перелет. Он совершенно забыл об этом, ведь никогда не покидал родного мегапилона, было попросту незачем. Мунч припомнил, что в такси предусмотрена система рассрочки, и решил воспользоваться услугой, ведь его рейтинг гражданина позволял это. Хвала Корпорации, что она позаботилась об этом.

Пока такси стремилось на вызов, Мунч обернулся к таможене и поглядел в хмурое небо, куда бесшумно поднималась громадная платформа антигравитационного грузового лифта. На одном из таких лифтов и прибыла крохотная, но бесценная посылка Мунча. А где-то в недосыгаемой взору дали, над планетой, висел грузовик сверхдальнего следования, который вскоре отправится с орбитального порта в путь до самых окраин корпоративного сектора галактики, а может, и дальше, туда, где властвуют другие Корпорации. На мгновение Мунч задумался, каково это — жить в объятиях иной Корпорации, но сразу же взволнованно икнул и затряс головой, прогоняя постыдную мысль.

Зачем ему думать о других Корпорациях, когда его собственная столь щедрa и великодушна. Он машинально потянулся к нашивке с логотипом своей Корпорации в изумрудной окантовке и любовно ее погладил. Где-то за зданием таможи раздался протяжный гул. Какой-то циклопический механизм пришел в движение, и керамитовая платформа мелко завибрировала. Мунч преисполнился благоговением и гордостью перед технической мощью своей Корпорации, но не успел насладиться этим чувством, как услышал сигнал подлетающего такси. Мунч дождался, пока транспорт замрет, посадочный трап выдвинется целиком, и только тогда ступил на борт. Сейчас он не имел права рисковать, ведь в его распоряжении оказался величайший подарок Корпорации. Доказательство того, что мистер Мунч — достойный гражданин и сумеет повысить рейтинг счастья всего мегапилона на целый пункт. А то и больше.

Мунч снова мотнул головой, на этот раз прогоняя гордыню. Он сделает все возможное, чтобы исполнить свой долг перед Корпорацией, но не впадает в тщеславие. Он с восторгом изучит драгоценный нейросериал в полном одиночестве, а затем скопирует на столько картриджей, на сколько сумеет. Он создаст самые лучшие и точные симулякры, какие будет не стыдно показать клиентам с высших ярусов мегапилона.

Над этим полушарием планеты сгустился вечер. Ночь обещала быть дождливой. Скоро наступит сезон изобилия, и на множестве террас мегапилона раскинутся ярмарки с кинотеатрами под открытым небом, в которые Мунч продаст симулякры великолепного нейросериала. Тогда у него начнется новая жизнь, богатая, сытая и сверхполезная для любимой Корпорации.

Возможно, под конец сезона изобилия мистер Мунч увидит цветы плющей-звездохватов собственными глазами, когда высшие корпораты с янтарными окантовками вокруг нашивок пригласят его на закрытый показ нейросериала про знаменитого ксеноархеолога на крыше мегапилона.

Глава 3. Первый чемоданчик, причины выгорания и внутренние демоны

Почему меня так сильно угнетает бытовуха? Настолько, что я готов жить в своем ангравике и вовсе не возвращаться домой? Ответ прост: я страдаю не только от собственных житейских проблем, но и от чужих. Это моя работа. Мой дар и мое проклятие, если позволите использовать столь модную цитату. Я уже писал ранее, что каждую среду сбегая на окраину звездной системы и гоняю в тамошних пустошах, чтобы зарядиться в абсолютном одиночестве. А теперь я расскажу вам, почему мне это так необходимо. Как я уже обмолвился выше, дело в моей работе: я владелец и единственный трудяга мастерской «Спасбросок».

Возможно, вы уже обращались ко мне с заказом, а если нет — поясню, но только ради информации, а не в рекламных целях. Загнанные жизненными обстоятельствами в угол люди случайным образом находят мою визитку. Я сам не знаю, каким образом работает Комиссия Дешеш, которой я плачу за распространение, но в моменты отчаянной нужды мои потенциальные клиенты получают, а скорее находят сами — так им легче принять решение, визитки с контактами моей мастерской. Они ознакамливаются с информацией на карточке и в случае согласия стирают монеткой скретч-квадрат. Под ним находится оптический кристалл, жизненный цикл которого составляет одну наносекунду, но за этот миг он успевает собрать с сетчатки глаза моего клиента всю требуемую информацию и передать ее через терминал квантового гектографа напрямиком в мою мастерскую.

Представляете, все тяготы человеческой души укладываются в один квантовый бит, который можно закинуть на любое расстояние практически мгновенно. Даже сквозь мембрану мультивселенной. Жаль, что нейромюзика и нейрофильмы весят слишком много для единовременной передачи таким замечательным способом. Их приходится по старинке перемещать в физическом пространстве на бортах космических кораблей.

Через визитку клиент отправляет мне причины своих страданий, и я принимаю их на рабочем коммуникаторе. Систематизирую ментальные терзания, каталогизирую моральные невзгоды и подбираю оптимальные решения для минимизации эмоциональных увечий. Не хочу вгонять вас в скуку терминологией и техническими нюансами моего ремесла, но, полагаю, вы уже поняли, почему я этим занимаюсь. Во-первых, это очень интересно, во-вторых, так я лучше могу познать глубины человеческих душ, ведь изучаю не только свою, а заодно и множество других. А в-третьих, я просто хочу быть полезным. Это моя человеческая потребность и некая благодарность бытию за то, что собрало меня из атомов космической пыли в живое и разумное существо, способное ощутить вкус жареного сыра.

Когда структура самости моего клиента формируется, я берусь за самый увлекательный этап работы. Я создаю его личный «тревожный чемоданчик», который поможет бедолаге выбраться из пучин меланхолии. Следующий уровень лицензии я получу лишь через пару лет, за выслугу, бюрократия, знаете ли, но тогда я смогу создавать чемоданчики для борьбы с депрессией. Нюанс кроется в том, что обязательным содержимым этих чемоданчиков являются медицинские препараты, для которых и нужна соответствующая лицензия. Однажды я ее получу, но пока работаю лишь со случаями меланхолии, пусть нередко и очень запущенными.

Структура самости клиента определяет, какие предметы должен содержать чемоданчик. Я некоторое время с подозрением глядел на оптимальные варианты из каталога и не мог поверить глазам. Они уже однажды были мною созданы. В точно таком же порядке и количестве, и вы в жизни не догадаетесь, для кого. Кажется, вы уже догадались, так что не буду томить — для меня самого. На самой заре основания «Спасброска» я был тотально растерян и глобально подавлен. Я оказался в незнакомом месте в непростое время. Пришлось начинать все

сначала, и я понятия не имел, за что браться в первую очередь. Тогда-то я и решил поставить эксперимент на себе. Что может пойти не так, правда? Вспомнить тот же фильм с Голдблюмом, который превратился в муху. Но я не из тех, кто страшится опасности. Если страшно — значит, движешься в нужном направлении, так ведь? Я просканировал себя и получил первый профиль самости. Своей собственной. И ужаснулся — какой же она оказалась уродливой. Затем я принялся создавать прототип «тревожного чемоданчика» и наполнять его нужными предметами. Вы еще не уснули? Славно, ведь я только начал свой рассказ.

Первые оптические кристаллы я добывал не самым изящным способом. Я шатался по капсульным скверам, втиснутым между жилыми секторами, бесцельно катался на монорельсах, иногда заглядывал в мусорные баки и на автобусные остановки в поздний час. Везде я разыскивал газеты — у нас это такие тонкие листы силикона с хитроумной системой электронных капилляров внутри. Бесплатные газеты не представляли для меня никакой ценности. Но другие — подписные издания — снабжались крохотными кристалликами в верхнем правом углу силиконового листа. Он считывал человека, глядящего в газету, и определял уровень его подписки. А затем капилляры внутри листа активизировали ферромагнитную жидкость, которая складывалась в колонки слов и изображения. Я рыскал в поисках таких вот газет, выковыривал из них кристаллики и подключал к специальным устройствам собственного изготовления, которые выглядели как двадцатигранные дайсы.

Поначалу я просто раскладывал эти штуки в местах, где они могли оказаться полезными: на пустынных мостах, у обочин скоростных магистралей, в тусклых подворотнях. Я ни на что особо не надеялся, но в какой-то момент начали приходить заказы. Кому-то требовалось пережить потерю близких, другим утрату прав на вождение анграфика, третьим Впрочем, это вроде бы клиентская тайна, поэтому воздержусь от дальнейших пояснений. Форма чемоданчиков тогда была какой попало. Коробки, футляры, даже пакеты — как вспомню, тем более о последнем варианте, так стыд сжигает, но что было делать, я не мог позволить себе ничего дороже электроэнергии для питания оборудования мастерской. Затем я начал паковать содержимое «тревожных чемоданчиков» в контейнеры от фастфуда. Они изготавливались из хрупкого пористого полимера, но были дешевы и производились огромными тиражами. Все закусовые использовали такие. Стал использовать и я. Контейнеры эти были нежного кремового цвета, как брюле. Я вырезал простенький трафарет с логотипом своей мастерской, нашел баллончик с черной краской, оставленный шпаной в соседнем переулке, и сам брендовал эти контейнеры для солидности. Тогда это казалось мне очень важным. И знаете, я не ошибался.

Затем я разжился поролоном и начал резать из него ложементы, чтобы предметы внутри контейнеров не гремели и не разбивались при доставке. И, наконец, я заказал в одной конторе визитки с теми самыми оптическими кристаллами, совместимыми с квантовыми гектографами. Наконец, я получал заказы напрямую на коммуникатор, обрабатывал их, подключал оборудование и изготавливал нужные предметы. А что за предметы, спросите вы? Да абсолютно разные. От мячиков-антистресс до купонов в ближайшую пиццерию. С купонами, кстати, отдельная морока. Нужно сначала узнать, какие закусовые есть вблизи от бедолаги, заказавшего «тревожный чемоданчик», а затем без ошибок составить поздравительное сообщение на его родном языке. Знаете, что-то в этом есть, когда разворачиваешь дешевую целлюлозную бумажку с выцветшей краской и смазанными чернилами и читаешь там нечто типа «Поздравляем! Вы выиграли годовой запас пиццы с анчоусами». Как говорится, «дареной пицце в начинку не смотрят».

Тогда-то бизнес и попер. Но началось и выгорание. Иногда приходилось изучать по-настоящему тяжелые случаи. Это сильно истощало мой ресурс. Порой хотелось все бросить и начать нечто новое, безопасное, веселое. Но я уже освоился в этом ремесле и оказался в нем хорош. Тем более у меня появилась ответственность за тех, кто обнаружит мою визитку в минуту нужды. Только вообразите, я уже давно занимаюсь чем-нибудь другим и не смогу

помочь страдальцу. Мол, извини, это больше не мое дело. Я так не могу. И я не заложник ситуации, я всего лишь герой. Тот, кто не носит плаща. Ну, поняли же шутку? Ай да ладно, если честно, меня все устраивает.

В общем, свой чемоданчик я так и не использовал. Как-то пересилил себя, переболел, превозмог. Но теперь именно такой же, идентичный набор инструментов требуется кому-то еще. Я, пожалуй, не буду создавать дубликат, пусть принтеры отдохнут, а отправлю заказчику свой собственный экземпляр. Я не должен рассказывать вам, что внутри, но уверен, вам страсть как интересно это узнать. А раз этот чемоданчик сначала предназначался мне, то могу и приоткрыть завесу тайны. Я прямо слышу, как вы облегченно выдохнули и приблизились к экрану. Не за что. Я достал с нижней полки стеллажа бежевый контейнер с шапкой пыли на крышке, напоминающий своим видом кубическую булочку под сахарной пудрой, сдул пыль, пожалел о содеянном и сбежал подальше от удушливого облака в переднюю часть мастерской, где у меня зачем-то был оборудован прилавок. За все время никто из клиентов лично не пришел за заказом. Но иногда просили оставить чемоданчик в постамате возле мастерской. Поставив увесистый контейнер на прилавок, я поднял защелки и открыл крышку.

Сначала я подцепил пальцами и потянул уголок прозрачного пластикового футляра. С едва слышным скрипом из ниши ложементов появилась плоская коробочка с диском группы Fury Weekend. Этот альбом, *Stranger In LA*, может вытащить из меланхолии кого угодно и заставить качать головой в такт заводному ритму электронных волн. Энергетика синтвейва всегда укрепляла мою волю, если та вдруг давала брешь. Синт, ретро, дарксинт, ньюретро – все эти поджанры могут вытянуть мое настроение даже из глубин Тартара, куда оно порой низвергается под шквалом неприятностей. Я любовно поглядел на диск, стер шальной отпечаток пальца с глянцевой крышки и вернул коробку обратно.

Следом достал продолговатый батончик в блестящей упаковке. Кажется, он разломился надвое, но в пути всякое бывает, считай, немного пострадал при путешествии через вселенные. Это был узкий прямоугольный мятный пряник. Удобная форма для перекуса где угодно. Вкус и запах мятного пряника способен вернуть мой удрученный разум из небытия не хуже нашатыря. Введенный восхитительным лакомством, я способен принимать критические решения и предпринимать дерзкие свершения для побега из плена меланхолии.

Добравшись до флешки, я поскреб ее ногтем, пытаюсь подцепить. Кажется, прилипла. Так и не сумев достать ее, не повредив ложемент, я нежно ткнул алюминиевый бок устройства указательным пальцем — буп. На этой флешке записано несколько моих самых любимых видеоигр. Записаны они совершенно легально, не подумайте ничего дурного. Эти сюжетные игры, рассчитанные примерно на 50 часов тщательного изучения каждая, способны очень многому научить, не требуя ничего взамен. Истории, лежащие в основе этих игр, поучают, воодушевляют и развлекают. За время прохождения игрок проживает маленькую жизнь. Совершенно нереалистичную, но очень яркую и значимую. Такие игры дают больше, чем можно представить. Они позволяют примерить другую судьбу и стать после этого чуточку мудрее. А приобретенная мудрость помогает справиться с проблемами жизни текущей.

Наконец, я перевел взгляд на самый массивный предмет в контейнере. Это был пистолет. Но не простой. Композитный самострел, который можно зарядить чем угодно. Этот был взведен калибром девять миллиметров. Но не пулей, а железным четырехгранником длиной сто сорок пять миллиметров. Ржавым гвоздем, в котором некоторые смогут признать орудие Страстей Христовых. Конкретно этот — подлинный, в отличие от множества других, с помощью которых римские солдаты казнили преступников. Этот гвоздь прибыл со дна Эгейского моря, из глубокой впадины где-то между островами Родос и Карпатос. Даже не спрашивайте, как я сумел раздобыть подобную реликвию. Обмолвлюсь лишь, что во множестве вселенных этот самый гвоздь, по различным причинам, частенько падал за борт корабля, на котором плыла в Константинополь царица Елена. Самострел этот нужен, чтобы хорошенько пугнуть демона, не

дающего изменить жизнь к лучшему. Конечно, выстрел в себя ситуацию не решит, этого и не требуется. Само это оружие — катализатор.

В каждом из нас живут демоны. Они — неотъемлемая часть нашей сущности. Иногда мы кормим их, иногда подавляем. А порой поддаемся им. Мы не можем убить своих демонов, не погубив себя, и они это знают. А еще они знают, что после выстрела из такого вот оружия они не вернуться обратно в Хаос, но умрут окончательно. Это точно заставит их попридержать свой гнет на подавленный рассудок и затаиться, чтобы дать передышку и возможность воспрянуть духом. Крайняя мера и скорее орудие устрашения, чем реальная угроза взаимной аннигиляции. Этаким огнестрельный кнут. Я погладил рукоять самострела, вспомнил, как отчаянно нуждался в нем однажды, но сумел справиться сам. Уверен, сумеет и несчастный, которому так необходим этот контейнер сейчас. Настало время отправить его по адресу и немного передохнуть. Может, на обратном пути с почты заскочу в свое любимое кафе «Пирожки неожиданности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.